

<Юрий ЕЛАГИН>

<О премьере Пятой симфонии>

В ночь на 20 декабря 1937 года наш театр¹ выехал на кратко-временные гастроли в Ленинград. На следующий день мы узнали, что вагон с нашими декорациями застрял где-то по дороге и первый ленинградский спектакль состояться не может. Таким образом, вечер 21 декабря 1937 года оказался у нас свободным. И именно в этот вечер состоялась в Ленинграде премьера новой симфонии Шостаковича². Это была его Пятая симфония.

Еще с весны 1937 года опальному Шостаковичу предоставлена была возможность давать его новые сочинения для исполнения оркестру Ленинградской филармонии. Правительство руководствовалось в данном случае совершенно правильным соображением, что одно-единственное исполнение симфонического произведения никогда не получит большой огласки среди широких масс, если не будет поддержано критикой, и не представит почти никакой опасности в политическом смысле. Зато такое исполнение позволит наблюдать за творческой эволюцией композитора в желательную для правительства сторону, что, конечно, крайне важно.

Еще весной 1937 года дал Шостакович оркестру для разучивания свою Четвертую симфонию, но, после первой же репетиции, он взял назад партитуру и голоса и разорвал их. Четвертой симфонии Шостаковича не существует³. И вот теперь, к концу года, он написал еще одну симфонию — Пятую. И эту симфонию мы имели возможность услышать вечером 21 декабря 1937 года.

В сравнительно небольшом зале — бывшем зале Ассоциации камерной музыки — собрался цвет интеллигенции Ленинграда. Было много писателей и поэтов, музыкантов и артистов, ученых и военных. Зал был набит битком. Молодежь стояла в проходах

у стен. При помощи наших ленинградских знакомых мы получили много билетов, и человек тридцать из нас, вахтанговцев, присутствовали на концерте. Помню, в первом отделении превосходный оркестр Ленинградской филармонии под управлением Евгения Мравинского играл Вагнера. Так как всю предыдущую ночь в вагоне поезда я играл с товарищами в шахматы и совершенно не спал, то мне большого труда стоило не заснуть в кресле под звуки «шеста леса» из оперы «Зигфрид» и «смерти Изольды». Но вот, после антракта, опять поднялся Мравинский на дирижерскую эстраду, поднял палочку и начал, первое в мире, исполнение Пятой симфонии Шостаковича.

Когда я потом старался понять причину того потрясающего впечатления, которое произвела эта превосходная симфония на меня и на весь зал, то для меня становится бесспорным, что одних ее музыкальных достоинствказалось бы для этого недостаточно, как бы ни были они велики сами по себе. И, конечно, понадобился целый комплекс событий, фактов и настроений, чтобы прекрасная музыка Пятой симфонии вызвала у слушателей ее такой взрыв восторга, такую невероятную овацию, такую бурю чувств, какие разразились в ленинградском концертном зале 21 декабря 1937 года. Лишь только замолк последний аккорд финальной части симфонии, весь зал дрогнул от аплодисментов и встал. И стоя аплодировали бесконечно долго, ни на мгновение не ослабляя аплодисментов. Шостакович выходил на авансцену кланяться бесчисленное количество раз: 10, 20, 40 раз. Он просто ходил, не останавливаясь, от середины рампы до выходной двери на эстраду и сейчас же должен был поворачиваться и идти обратно к рампе. Через полчаса я вышел с моим другом из зала, а овация все продолжалась и Шостакович все выходил и выходил на авансцену.

Долго ходили мы по берегу Невы, потрясенные только что пережитым. Идти в гостиницу спать мы не могли. До сна ли было нам! Конечно, этот небывалый триумф подготовило талантливому композитору само советское правительство своей полуторагодичной травлей его и своей невежественной критикой его творчества.

И собравшиеся в зале представители русской интеллигенции устроили грандиозную демонстрацию — искреннюю и восторженную — не только в знак своего восхищения симфонией, но и как выражение своего глубокого возмущения нажимом на свободное искусство, как знак солидарности с опальным композитором и сочувствия ему.

<...>

После фурора, произведенного симфонией, опала Шостаковича кончилась. Так было выгоднее для правительства. Шостакович был объявлен перестроившимся. В Пятой симфонии критики нашли обильные залежи и социализма, и реализма. Поистине, музыка — дело темное! И кто мог определить с полной достоверностью, что именно хотел Шостакович изобразить в этом, по существу, трагическом произведении, полном внутренних противоречий и глубоких конфликтов. Были ли это чувства восторга перед «победой социализма в одной стране» или что-нибудь совсем другое?

